

ХРОНИКА

ПЕРВЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ХРИСТИАНСТВО
И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»)

Вот уже год, как нет с нами Дмитрия Сергеевича Лихачева, но существует его Отдел, живы его идеи, осуществляются его планы. Так и конференция «Христианство и древнерусская литература» была задумана им, однако проводилась она уже после его кончины как Первые Лихачевские чтения, приуроченные к дню памяти Дмитрия Сергеевича. Конференция, проходившая 29 сентября — 3 октября 2000 года в Пушкинском Доме, собрала ученых из самых разных стран мира: России и США, Германии и Италии, Грузии и Израиля, Польши и Японии, Чехии и Болгарии. Первые Лихачевские чтения были организованы Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (председатель Оргкомитета — доктор филол. наук А. Г. Бобров) при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и фонда «Открытое общество».*

Открыл конференцию 29 сентября на утреннем заседании исполняющий обязанности заведующего Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома доктор филол. наук О. В. Творогов. Говоря об академике Д. С. Лихачеве как об ученом, выступающий отметил, что тот стремился привлечь внимание не к частностям, а ко всему пути развития древнерусской литературы, изучая ее как часть древнерусской культуры. И древнерусская литература, какой мы ее знаем сегодня, представляется таковой благодаря Д. С. Лихачеву. Отмечая, что вся система поэтики древнерусской литературы представлена в работах академика Д. С. Лихачева, О. В. Творогов особо остановился на изучении «Слова о полку Игореве», его стиля и образной системы, культуры его времени, напомнив об инициативе Д. С. Лихачева в создании «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“». Говоря о том, что именно благодаря Д. С. Лихачеву «Слово о полку Игореве» стало буквально всенародно любимым и ценным памятником литературы Древней Руси, выступающий заметил, что всплеск дилетантизма в этой области, свидетелями которого мы все являемся, — «неизбежная издержка наших побед». Изучая жанровую систему древнерусской литературы, Д. С. Лихачев придавал особое значение созданию «Словаря книжников и

книжности Древней Руси», в котором представлены основные жанры русской средневековой литературы. «Литературоведение — наука точная», — говорил Д. С. Лихачев. Поэтому чрезвычайно важна в данном случае работа с источниками. Не случайно, одной из самых важных книг Дмитрия Сергеевича стала «Текстология», а одной из самых главных его заслуг было создание текстологической школы.

О. В. Творогов говорил о том, какое место в жизни Дмитрия Сергеевича занимал его Отдел, и отметил при этом роль в нем Л. А. Дмитриева. Сейчас Отдел сильно изменился, Дмитрий Сергеевич много сделал для его омоложения. Особо выделил выступающий созданную по инициативе Д. С. Лихачева серию исследований «Новые имена в науке», в которую вошли монографии А. Г. Боброва, С. А. Семячко, Е. В. Крушельницкой, Т. Р. Руди. Сейчас перед Отделом стоит много задач: это и завершение «Словаря книжников и книжности Древней Руси», и продолжение серии научных сборников «Книжные центры Древней Руси», и новые выпуски «Библиографии работ по древнерусской литературе», и конечно же, «Труды Отдела древнерусской литературы». Новая работа Отдела — серия исследований-изданий русских средневековых агиографических памятников, для которой уже начато собирание каталога рукописей.

Круг интересов Д. С. Лихачева был очень широк, широка и тематика настоящей конференции. Определив ее как «культура европейского Средневековья», О. В. Творогов поприветствовал участников Первых Лихачевских чтений.

На утреннем заседании председательствовали О. В. Творогов и его коллега из Германии (Тюбинген) профессор Людольф Мюллер (секретарь — канд. филол. наук С. А. Семячко). Первым прозвучал доклад академика А. М. Панченко (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) «Д. С. Лихачев и школа академика В. Н. Петерца». Поскольку А. М. Панченко в этот момент находился в больнице, доклад был прочитан В. П. Бударaginiным. Заметив, что Д. С. Лихачев не был учеником В. Н. Петерца, докладчик обнаружил у них определенную общность и настойчиво проводил параллель между Семинарием В. Н. Петерца и Отделом Д. С. Лихачева.

Пожелав скорейшего выздоровления А. М. Панченко, О. В. Творогов предоставил слово доценту С.-Петербургского государствен-

* Материалы конференции будут опубликованы в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (т. 54).

ного университета канд. филол. наук М. В. Рождественской для доклада «Поэтика древнерусской литературы в работах Д. С. Лихачева». В докладе шла речь о пространстве и времени, о реализме и реалистичности, о традиционных формулах и формульности в целом, об описании текста с точки зрения нормативной поэтики, о парадигматике и прагматике средневекового текста, о средневековом синкретизме, о европеизме древнерусской литературы и явлении литературной трансплантации, о литературном этикете. Кажется, такие термины, как литературный этикет, существовали всегда, но ввел их Д. С. Лихачев. Дмитрий Сергеевич о многом говорил впервые! Закончила свой доклад М. В. Рождественская мыслью, что труды Д. С. Лихачева — открытая книга. Во всех смыслах.

Доклад нашего коллеги из Иерусалима доктора филол. наук И. З. Сермана назывался «Природа смеха по Лихачеву». Толчком для него послужили книги «Смеховой мир Древней Руси» (Д. С. Лихачева и А. М. Панченко) и «Смех в Древней Руси» (Д. С. Лихачева, А. М. Панченко и Н. В. Поньрко). Речь в докладе шла о кабаке как характерной черте русской жизни XVII века. И. З. Серман полагает, что кабаки и катастрофические размеры пьянства дали новое содержание литературе XVII века. Докладчик говорил о возвышении кабака, его ироническом приравнивании к церкви («Служба кабаку») и о монастыре как кабаке («Калазинская челобитная»).

Следующий доклад был прочитан канд. филол. наук Л. В. Соколовой (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) — «Почему Д. С. Лихачев не сомневался в подлинности „Слова о полку Игореве“». Д. С. Лихачев основывал свою точку зрения на всестороннем, всеохватном изучении «Слова». Первый аспект, на котором останавлилась докладчица, — это «Слово о полку Игореве» и стиль монументального историзма. Она обратила внимание слушателей на то, что Д. С. Лихачев подчеркивал принадлежность «Слова» всей духовной культуре XI—XII веков; говоря об идеологическом, мировоззренческом фоне произведения, он отмечал, что языческие элементы в «Слове» отражают живые верования, возможные только в раннюю эпоху христианства; он писал о поэтизации феодального быта, феодальной символики, демонстративной церемониальности, связывая это с эстетическими представлениями эпохи монументального стиля. Другой аспект, затронутый в докладе, — это особенности поэтики «Слова». Закончила Л. В. Соколова свой доклад, остановившись на вопросе нестилизационных подражаний и вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве».

После короткого перерыва председательствующий О. В. Творогов зачитал приветственные телеграммы в адрес конференции от филологов и историков Новосибирска, от болгарской исследовательницы Клементины Ивановой, от племянниц В. П. Адриановой-Перетц и предоставил слово профессору Э. Г. Хинтибидзе (Гру-

зия, Тбилиси), который выступил с коротким сообщением «Д. С. Лихачев и дни древнегрузинской литературы в Пушкинском Доме», рассказав о трех конференциях, первая из которых состоялась в 1976 году, последняя — в 1984-м.

Академик РАО С. О. Шмидт (Москва) в докладе на тему «Д. С. Лихачев в культуре Москвы» назвал академика Д. С. Лихачева единственным ученым советского времени, которого по масштабности можно сравнить с Ф. И. Буслаевым, А. Н. Веселовским, А. А. Шахматовым. Докладчик представил два аспекта рассматриваемого вопроса — Д. С. Лихачев о культуре Москвы и Д. С. Лихачев в культуре Москвы, полагая, что Дмитрий Сергеевич способствовал возрождению у москвичей интереса к ленинградско-петербургской культуре.

Доклад Ацуо Накадзава (Япония, Ниигата) «Д. С. Лихачев и Япония» касался целого ряда вопросов. Как читают книги Д. С. Лихачева в Японии? Как их воспринимают японские читатели? (Об этом А. Накадзава рассказывал, опираясь на свой преподавательский опыт). Какое место занимает Япония в творчестве Д. С. Лихачева? На японский язык переведены несколько книг («Поэзия садов», «Заметки о русском», «Письма о добром и прекрасном», «Смех в Древней Руси», последняя переведена совместно Й. Накамура и А. Накадзава) и целый ряд статей Д. С. Лихачева; первые книги были переведены в эпоху перестройки, когда японцы как никогда были озабочены судьбой России. Особое место в докладе занимал рассказ об опубликованной в японском журнале статье Д. С. Лихачева, посвященной его впечатлениям от поездки по Японии осенью 1993 года. Д. С. Лихачев выделял заботу о роде как один из важнейших элементов японской культуры, стремление слиться тесно (в отличие от русских), не покорять природу, а слиться с ней, стремление почтить мир церемониями. А. Накадзава полагает, что работы Д. С. Лихачева будут читать в Японии и он будет добрым советчиком до тех пор, пока японская культура остается традиционной.

Последним на утреннем заседании выступил В. П. Бударагин (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) с докладом «Д. С. Лихачев и Древлехранилище им. В. И. Малышева». Он говорил об отношениях Д. С. Лихачева и основателя Древлехранилища В. И. Малышева, о помощи Д. С. Лихачева в административном оформлении археографических экспедиций, о его помощи В. В. Лукьянову, чья коллекция рукописей хранится сейчас в Древлехранилище, о взаимоотношениях с дарителями Древлехранилища Ф. А. Абрамовым и К. П. Гемп. Сам Дмитрий Сергеевич рукописи не собирал, но ему их дарили, а он передавал их Древлехранилищу. Рассказал В. П. Бударагин и о дарениях Д. С. Лихачева Древлехранилищу, и о дарственных надписях на книгах, и о защите Древлехранилища от административных наскоков. Древлехранилище не раз служило местом встречи Д. С. Лихачева с разными людьми, местом, где проходили телевизионные съемки с участием Дмитрия

Сергеевича. Связи, о которых говорил докладчик, были тесными и многообразными. И может быть, не случайно то, что последним научным заседанием, на котором присутствовал Дмитрий Сергеевич, были юбилейные Малышевские чтения.

Вечернее заседание, которое вели член-корр. РАН Е. К. Ромодановская и коллега из Японии профессор Йошикадзу Накамура (секретарь — канд. филол. наук И. А. Лобакова), открылось докладом академика В. Л. Янина «Новые находки памятников письменности в Новгороде 2000 года», пожалуй, самым ожидаемым докладом конференции. Речь в нем шла о сенсационных находках 2000 года.

За время работы Новгородской археологической экспедиции было найдено 915 берестяных грамот, 400 из которых — ранние, причем 30 датируются XI веком. Летом 2000 года работа велась в слое первой трети XI века. В раскопе на Черницкой улице был обнаружен двусторонний образок, с одной стороны которого изображен Христос, с другой — святая Варвара. Образок этот представляет собой оберег, своего рода амулет. На нем читается дата, которая была расшифрована как 1029 год.

Самая замечательная находка случилась 13 июля на Троицком раскопе в слое первой четверти XI века. Там был обнаружен кодекс с текстами на русском языке, состоящий из трех дощечек размером 19 на 15 см, толщиной 1 см. Эти дощечки ранее были книгой, они скреплялись между собой шпонками. Каждая дощечка имеет углубление (причем внутренняя — с двух сторон) размером 15 на 11 см, заполненное воском, что опровергает предположение академика Е. Ф. Карского, высказанное им в 1928 году, будто по воску на Руси не писали. На воске сохранился текст 75-го и 76-го псалмов (окончание 10-й кафизмы) и 4—6-й стихи 67-го псалма (фрагмент 9-й кафизмы). Находка надежно перекрывалась срубом 1036 года, причем дощечки находились на 30 см глубже (1 см = 1 год), таким образом, даже при самых осторожных датировках время их создания ограничивается концом 10-х годов XI века, т. е. на 30—40 лет раньше Остромирова Евангелия. В. Л. Янин предложил назвать этот кодекс Новгородской Псалтырью. Академик Янин охарактеризовал степень сохранности текста, познакомил присутствующих с записями на бортиках дощечек и с текстом, процарапанным на деревянной основе под восковым слоем, который удалось благополучно отслоить. Доклад сопровождался демонстрацией фотографий сенсационных новгородских находок.

После того как отзвучали долгие аплодисменты в адрес академика В. Л. Янина, Е. К. Ромодановская предоставила слово профессору Людольфу Мюллеру для доклада «Летопись Печерского монастыря в „Повести временных лет“». Первым его тезисом было предположение, что три произведения, в которых указано авторство Нестора («Повесть временных лет», «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского»), принадлежат двум или даже

трем разным Несторам. Докладчик отметил наличие двух тенденций в жизни Киево-Печерского монастыря: за общежитие (линия Феодосия) и за пещерную жизнь (путь Антония). В свете этого он рассмотрел Житие Феодосия, а также рассказ об Исаакии и Сказание «в кое лето почал быть Печерский монастырь» в составе «Повести временных лет», что и позволило ему прийти к выводу, что Житие написал один Нестор, Сказание о монастыре — другой, а летопись на основе этих двух источников — третий.

Следующим был доклад гостя из Генуи (Италия) Джорджини Ревелли («Христианские воззрения в „Чтении о Борисе и Глебе“»), которая в свое время занялась «Чтением о Борисе и Глебе» по совету Д. С. Лихачева. В настоящем докладе она рассмотрела это произведение в контексте современной ему и предшествующей западноевропейской и византийской литературы, отмечая в композиционной структуре «Чтения» и в отдельных его темах определенную общность с произведениями латинского средневековья и греко-византийской традиции.

Доклад профессора Элизы Малэк (Польша, Лодзь) «Образы ангелов в древнерусской письменности» имел подзаголовок «Ангелы тихие, грозные и милостивые». Она рассмотрела типологию образа ангела на материале Священного Писания, апокрифов, сочинений отцов церкви, станковой живописи, книжной миниатюры. Особое внимание было уделено мотиву борьбы ангела с бесом за душу умирающего человека (Синайский патерик, слово 304; Киево-Печерский патерик, слово 22; «Повесть Никодима типикариса...»), в котором нашел свое воплощение образ ангела тихого. Образ ангела грозного, «немилостивого», ударяющего копьем нераскаявшегося грешника, был рассмотрен на примере 23-го слова Киево-Печерского патерика, Видения пономаря Тарасия из Жития Варлаама Хутынского, «Канона ангелу грозному воеводе», который Д. С. Лихачев атрибутировал Ивану Грозному. Образ ангела милостивого, жалостливого Элиза Малэк показала на примере «Повести об ангеле, послушавшемся Бога» и привела параллели к этому тексту.

Доклад искусствоведа М. С. Серебряковой из Ферапонтова был не случаен на этой конференции. Как заметила сама докладчица, Д. С. Лихачев часто бывал в Ферапонтове, был покровителем и спасителем тех, кто хранил и хранит памятники в русской провинции. При этом М. С. Серебрякова подарила Отделу древнерусской литературы кассету, которую Ферапонтовский музей передал в ЮНЕСКО. Основным материалом доклада «Царствие Небесное во фресках Ферапонтова монастыря» послужила стенопись собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, выполненная Дионисием в 1502 году.

Доклад доктора филол. наук А. Х. Горфункеля, приехавшего на конференцию из Бостона (США), назывался «И то твое не истинно иноческое житие...» (Монашеский идеал и повседневная хозяйственная жизнь Кирило-Бело-

зерского монастыря)». Монастырь являлся не только духовным и книжным центром, он занимался и хозяйственной деятельностью; и нельзя одно оторвать от другого, поскольку монастырь — это живой организм. Указав, что Кирилло-Белозерский монастырь достаточно быстро сформировался как крупный земельный собственник, докладчик остановился на его земельных спорах с окрестными жителями (крестьянами, помещиками и местным духовенством), опираясь на документы, в основном челобитные. Далее А. Х. Горфункель обратился к Посланию Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, заострив внимание слушателей на том, что оно современно ограничениям, налагаемым на земельные владения монастыря. Докладчик показал, как с течением времени сказываются на хозяйственной деятельности монастыря политика государства по ограничению монастырского землевладения и постепенное стремление монахов к аскетическому идеалу.

Последним в первый день конференции был доклад профессора Райнера Штихеля из Мюнстера (Германия) «Чаша Соломонова в Царегородской Софии — иудейская магия и христианская агнография». Докладчик обратился к тексту Жития святого Кирилла: «Есть же въ святей Софии поить, от драгога камня, Соломония дѣла, на ней же суть писмена жидовска и самареиска...» Доклад был посвящен ответу на вопрос, почему надпись была сделана еврейскими и самаритянскими буквами. Профессор Р. Штихель полагает, что Соломон, когда писал по-еврейски, пользовался самаритянскими начертаниями букв. «По-самарейски», с его точки зрения, — это уточнение к «по-еврейски».

Утром 30 сентября, в день памяти Д. С. Лихачева, участники конференции поклонились его могиле на Комаровском кладбище, где был отслужен молебен, присутствовали на открытии мемориальной доски на доме, в котором жил Д. С. Лихачев, вечером же в кинозале филологического факультета СПбГУ состоялся просмотр фильма В. Б. Виноградова «Д. Лихачев. Я вспоминаю». После этого фильма выступали люди, хотевшие поделиться своими воспоминаниями, наблюдениями, соображениями: сотрудник Российской Национальной библиотеки В. М. Загребин, представитель Ивановского филиала Российского фонда культуры М. С. Лебедева, заместитель председателя Санкт-Петербургского филиала Союза писателей А. И. Рубашкин, С. О. Шмидт и И. З. Серман. Вечером этого же дня состоялся поминальный ужин.

В воскресенье 1 октября участники конференции отправились в Великий Новгород, где прогулялись по Софийской и Торговой сторонам, побывали в Антониевом и Юрьевом монастырях, посетили Центр музыкальных древностей, где состоялась лекция В. И. Поветкина «Музыкальная культура древнего Новгорода». В этом Центре, благодаря В. Л. Янину, приехавшие получили счастливую возможность увидеть часть тех замечательных находок, о которых он рассказывал в своем докладе.

Конференция продолжила свою работу 2 октября, утреннее заседание вели доктор филол. наук А. А. Алексеев, профессор Элиза Малек и профессор Кристиан Ханник (секретарь — канд. филол. наук Т. Р. Руди).

Москвич, член-корр. РАН С. С. Аверинцев, который должен был выступить первым, избрал для своего доклада «литургическую», по его определению, тему — «„Богу ли жить с человеками на земле?“» (3 Царств 8, 27): Присутствие Вездесущего как парадигма религиозной культуры», однако из-за болезни он не смог присутствовать на заседании и его доклад был прочитан А. А. Алексеевым. Доклад этот был иллюстрацией к мысли, сформулированной в его финале: «...религия без тайнства и без тайны есть нечто противоречащее законам человеческого духовно-телесного бытия».

Доклад доктора филол. наук Г. М. Прохорова (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) назывался «Святые в истории России. X—XVIII века». Докладчик построил и прокомментировал график, учитывающий всех канонизованных святых, живших в России, независимо от их происхождения. При этом он отмечал, что для почитателей святых всегда более важно их соприкосновение с вечностью, нежели с историей, поэтому мы часто знаем лишь месяц и день поминовения, но не год кончины святого. Эта «неисторичность» представляет некоторую сложность (так как часто год кончины святого неизвестен) при построении графика, который основан именно на времени кончины святого. По материалам Г. М. Прохорова, решительный «спад святости» происходит не с началом деятельности Петра I, а с реформой патриарха Никона, хотя, как заметил докладчик, необходимо учесть данные о жертвах государственного террора против старообрядцев и имяславцев.

Следующим был доклад профессора С.-Петербургского университета доктора филол. наук Н. С. Демковой «Владимир Мономах и Франциск Ассизский». Она начала с того, что при хронологическом интервале в 100 лет и культурно-социологической несовместимости нельзя не заметить у этих двух авторов общей идеи восхищения цельностью, красотой, гармонией материального мира. «Поучение» Владимира Мономаха создано на пересечении разных культурных традиций: дидактической, традиции духовного завещания, эпистолярной. Вплоть до XVII века нет произведения, в котором сила личности выразилась бы с такой полнотой, как в «Поучении» Владимира Мономаха. Поучение это было написано для младших сыновей Мономаха. Н. С. Демкова показала, какое место в нем занимают чувство ответственности, чувство долга, молитва и в то же время — похвала солнцу, свету красному. И докладчица провела параллель с «Гимном солнцу» Франциска Ассизского. Смысл этой параллели заключался в том, чтобы показать близость сочинения Владимира Мономаха идеям Возрождения.

Тему предыдущего доклада естественным образом продолжил доклад Энцо Бьянки и

Адальберто Майнарди (Италия, Бозе), прочитанный А. Майнарди, — «„Человек Божий“ в древнерусской и средневековой итальянской литературе: преподобный Сергей Радонежский и святой Франциск Ассизский. Опыт типологического сопоставления». Сравнение Франциска Ассизского и Сергея Радонежского было предложено Д. С. Лихачевым, и докладчики считают свою работу развитием его мысли. Они отметили наличие двух традиций: святость на Востоке воспринимается как обожение, на Западе — как подражание Христу. Две эти традиции представлены в двух агиографических текстах — «Цветочках святого Франциска» второй половины XIV века и «Житии Сергея Радонежского» начала XV века. Проанализировав эти два сочинения, авторы пришли к мысли, что при наличии в них типичных для Востока и Запада богословских моделей общее, а именно общность молитвенной жизни, все же преодолевает частное.

Профессор Светла Матхаузерова (Чехия, Прага) в докладе «Житие святого Вячеслава в истории русской и чешской литературы», проанализировав латинские и славянские списки Жития святого Вячеслава, пришла к выводу о первоначальности славянского текста и продемонстрировала слушателям характер различий между его вариантами.

Материалом для токийского ученого Йошикадзу Накамура (доклад «Природа в житиях святых, русских и японских»), отметившего, что и в русской, и в японской средневековой литературе жития святых — один из наиболее распространенных жанров, послужили Житие Сергея Радонежского и Житие буддийского монаха и ученого Мёэ (XII век). Сопоставив эти тексты, докладчик пришел к выводу, что жизнь русских была не менее связана с природой, чем жизнь японцев, но христианство не допускало языческого, анималистического толкования природы.

Доктор филол. наук Н. Д. Кочеткова (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) в докладе «Карамзин и древне благочестие» показала, как в соответствии с эволюцией мировоззрения Н. М. Карамзина менялись и его взгляды на благочестие. Как своеобразные этапы его творческого и мировоззренческого пути докладчица выделила «Письма русского путешественника», повесть «Наталья, боярская дочь», повесть «Райская птичка», «Русский вестник» и, наконец, «Историю государства Российского» и показала, как постепенно писатель приходит к мысли, что истинно благочестивы те, кто отличается высокими добродетелями, и что древнее благочестие для него — не категория историческая, но категория этическая.

Последним на этом заседании был перенесенный с первого дня работы конференции доклад профессора Р. Г. Сирадзе (Грузия, Тбилиси) «Научное наследие Д. С. Лихачева и вопросы изучения древнегрузинской литературы». Докладчик остановился на четырех проблемах, которые он обозначил как: 1) метафрастика, 2) периодизация, 3) динамический монументализм и 4) «язык», «народ» и «дух народа».

На вечернем заседании председательствовали академики РАО С. О. Шмидт и профессор Светла Матхаузерова (секретарь — канд. филол. наук Н. В. Савельева). Первому они представили слово Красимиру Станчеву (Болгария / Италия, Рим) для доклада «Место поэзии в древнеславянском / древнерусском литературном пространстве», речь в котором шла, в основном, о гимнографии как одной из форм средневековой поэзии.

Доктор филол. наук профессор И. П. Смирнов (Германия, Мюнхен/Констанц) предложил вниманию публики доклад «О двух типах стихосложения в древнерусской словесности». Он отметил подчеркнутую организацию начальных позиций в письменном стихотворном тексте в отличие от подчеркнутых концовок фольклорного (устного) стихотворного текста. Говоря о молитвословном стихе и сказовом фольклорном стихе, докладчик задал вопрос, действительно ли к этому сведено все древнерусское поэтическое искусство. В качестве материала для анализа И. П. Смирнов взял стихиру Сергию Радонежскому Елифания Премудрого и показал, что это явно не молитвословный стих, при этом в тексте совершенно очевидна симметрия. Этот текст нельзя возвести ни к одной системе, здесь нет априорного принципа, это спонтанное стихосложение, которое не является результатом разложения молитвословного стиха. В докладе были рассмотрены разные виды симметрии, в том числе и на материале духовного стиха «Плакался Адам, пред раем сядя...», а в завершении его прозвучала мысль о том, что новый этап в стихотворстве начинается с переноса акцентов с начальных (инициальных) позиций на конечные.

Доклад профессора Кристиана Ханника (Германия, Вюрцбург) назывался «Проблемы изучения древнерусского ирмологии». Работа эта очень важна, так как литургические сборники изучены явно недостаточно. Считая русский ирмологий (с момента его возникновения вплоть до реформенного издания 1657 года) выдающимся достижением старорусских книжников, К. Ханник сопоставил его с ирмологией греческим, древнегрузинским и южнославянским.

Научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Т. Р. Руди выступила с докладом «О гимнографическом наследии Ермолая-Еразма». Исследовательница отметила, что ее предшественники в основном изучали социально-экономические трактаты и агиографические сочинения Ермолая-Еразма, хотя во второй, монашеский период его творчества гимнография занимала принципиальное место. Материалом ее исследования стали «Тропари и кондаки, ихже несть во святцах» и похвала митрополиту Алексию. Еще в 1926 году В. Ф. Ржигя предположил, что автором тропарей и кондаков был Ермолай-Еразм. Впоследствии эта точка зрения была оспорена. Т. Р. Руди привела дополнительные аргументы в ее пользу и попыталась реконструировать отдельные моменты жизни Ермолая-Еразма.

Два следующих доклада были посвящены творчеству Симеона Полоцкого и так или иначе касались недавно вышедших двух томов научного издания «Вертограда многоцветного».

Доктор филол. наук С. И. Николаев (С.-Петербург, ИРЛИ РАН), вынесший в заглавие своего доклада вопрос «Переводил ли Симеон Полоцкий стихи?», отметил, что в т. 1-м «Вертограда многоцветного» указан лишь один иноземный стихотворный источник, а в т. 2-м вовсе ни одного, что удивительно, так как польская литературная традиция, что явствует из тех же комментарии, оказалась на Симеона огромное влияние. С. И. Николаев привел польские параллели к стихам Симеона Полоцкого и показал, что Симеон предпочитал переводу парафраз, так как он при ориентации на кого-либо менял размер, стилистику и объем (так, что парафраз порой становился в два раза больше или меньше оригинала). Докладчик показал, что Симеон обращался, в частности, к творчеству Миколая Кохановского, и предложил искать параллели к его стихам среди сочинений польских авторов второго ряда.

Доктор филол. наук Л. И. Сазонова (Москва, ИМЛИ РАН) также начала свой доклад «Из палеографических наблюдений над рукописями „Вертограда многоцветного“: писец Кириوشка Никитин, „стопа александрийской бумаги“ и 9 фунтов чернил» с упоминания нового издания «Вертограда многоцветного», сказав, что оно вышло по благословению Д. С. Лихачева и с его предисловием. Назвав рукописи «Вертограда многоцветного» (а их три), докладчица очертила круг текстологических проблем и обратилась к авторской рукописи, полагая, что именно автограф дает представление об истоках и источниках «Вертограда». Она показала, что алфавитная композиция сборника не изначальна, а была привнесена на определенном этапе, причем алфавитный регистр превратился в оглавление сборника. Беловая рукопись не является копией автографа, поскольку текст в ней перестроен, и не является беловым автографом, это писцовая работа. Писал ее Кириوشка Никитин, писец Оружейной палаты, сохранилась его расписка в получении исходных материалов. Несмотря на то что эта расписка написана скорописью, а текст подносной рукописи — полууставом, отдельные характерные элементы их совпадают. Парадная рукопись была закончена уже после смерти Симеона, и права в ней принадлежит писцу и Сильвестру Медведеву, последний, в числе всего прочего, стремился восстановить изосиллабизм там, где он был Симеоном в спешке нарушен. В конце своего доклада, вернувшись к вопросу об издании «Вертограда многоцветного», Л. И. Сазонова охарактеризовала состав всех томов, сказав, что подробный комментарий к стихам Симеона с указанием их источников и параллелей к ним будет помещен в третьем томе.

Последним в этот день был доклад доктора филол. наук С. А. Фомичева (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) «Сады в поэзии Пушкина». Докладчик начал с того, что Д. С. Лихачев был

ученым-общественником и примером этого может служить его книга «Поэзия садов», которая начиналась с газетной статьи в «Ленинградской правде» против реконструкции Екатерининского парка. Статья называлась «Сады лицей» и потом в переработанном виде вошла отдельной главой в книгу. Сады в творчестве Пушкина были одним из наиболее устойчивых топосов или топонимов. Истолковывая образ сада, С. А. Фомичев предложил вниманию аудитории анализ двух стихотворений («Критон, роскошный гражданин...» и «В начале жизни школу помню я...»).

На утреннем заседании последнего дня конференции (3 октября) председательствовали Г. М. Прохоров и И. З. Серман (секретарь — канд. филол. наук В. А. Ромодановская). Первым было предоставлено слово доктору филол. наук А. А. Алексееву (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) для доклада «Перспективы текстологии: от реконструкции архетипа к истории текста». Начав с рассказа о текстологической школе академика Д. С. Лихачева, докладчик отметил, что эта школа оказалась равнодушна к принципам классической текстологии, которая представляет собою набор правил для издателя рукописного текста. Однако реконструкция является непременным условием всякого филологического анализа текста, и когда мы говорим о содержании и стиле средневекового произведения, об особенностях перевода, мы оперируем с реконструированным текстом. Доклад А. А. Алексеева был посвящен вопросу о соотношении реконструкции текста и его истории в исследовании рукописного произведения: в какой мере эти два пути текстологического анализа ведут к одной и той же цели, в какой мере они расходятся между собой. Тот тип издания, который выработался и нашел свои устойчивые формы в русле текстологии Лихачева, докладчик назвал историческим типом. Его пафос заключается в строго реалистическом представлении наличного рукописного материала, расположенного в исторической последовательности. Этот тип издания обладает многофункциональным характером. К тому же он не закрыт ни для одного приема, в том числе и для эклектической реконструкции. Таким образом, завершил докладчик свое выступление, эклектическая реконструкция не может сегодня рассматриваться как альтернатива истории текста, но только как ее дополнение.

Следующей выступила директор Института филологии СО РАН (Новосибирск) Е. К. Ромодановская с докладом «Древнерусская притча: самоопределение жанра». Указав на неузученность жанра, исследовательница поставила задачей своего доклада вопрос — что под термином «притча» понимали сами древнерусские авторы. Коротко рассмотрев историю жанра от притчи-параболы XII—XIII веков (притчи раннего Пролога, «Варлаам и Иоасаф», притчи Кирилла Туровского) к притче-иносказанию XVI века, которая занимает в истории жанра особое место (предисловия Франциска Скорины: притча — это скрытая мудрость), докладчи-

ца отметила кардинальную смену картины в XVII веке, когда Священное Писание становится поставщиком сюжетов для беллетристики, появляются пародии, в том числе и на Священное Писание. Особо Е. К. Ромодановская остановилась на проблеме взаимоотношений жанров притчи и повести, показав, как повесть, получающая символическое толкование, превращается в притчу.

Немецкие исследователи Ютта Харней, Готфрид Штурм, Дитер Фаль, Сабина Фаль (Берлин/Галле) предложили доклад «Метафизика предлогов: повторяющиеся непонятные маргиналии в древнейшей рукописи славянского перевода творений Дионисия Ареопагита», который прочитала Сабина Фаль. Докладчики напомнили о роли Д. С. Лихачева в сохранении берлинской группы по древнерусской и церковнославянской литературе, которая работала при Академии наук ГДР под руководством Готфрида Штурма и могла бы прекратить свое существование, когда закрыли эту Академию после объединения Германии. Сейчас группа занята изданием славянского перевода трудов Дионисия Ареопагита, выполненного в XIV веке афонским старцем Исайей. Материалом для настоящего исследования послужила рукопись РНБ, собр. Гильфердинга, № 46, являющаяся, как доказали в свое время Д. О. Цыпкин и М. А. Шибяев, авторграфом Исайи. В докладе речь шла о нескольких маргиналиях, греческого эквивалента которым найдено не было, а именно «посрѣдъ» и «послѣдолѣтне/послѣдѣтне». Первая маргиналия, встречающаяся в рукописи 17 раз, была истолкована докладчиками как характеризующая вставку в предложение; вторая (употреблена 34 раза), с точки зрения докладчиков, ставится рядом с текстом там, где в греческом оригинале трактата или схолий употребляется предлог *μετά* с винительным падежом.

Доктор филол. наук В. Е. Багно (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) прочитал доклад «За Аристотелевыми вратами (древнерусская и кастильская версии краткой редакции «Тайная Тайных»)», посвященный одному из самых загадочных памятников. Он говорил об атмосфере, которая породила прототекст, о средневековой Испании, о Пиренейском полуострове как месте столкновения трех религий, о традиции перевода античных и арабских авторов. Докладчик охарактеризовал особенности русской и кастильской версий «Тайная Тайных», продемонстрировал характер разночтений между ними.

Доклад ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН А. Г. Боброва «Новгородский патерик («Повести древних лет»)» был посвящен комплексу текстов, своей тематикой связанных с Новгородом, в который входят: 1) Повесть о варяжской божнице, 2) Повесть о Благовещенской церкви, 3) Сказание о Михалицком монастыре (Повесть о просфоре), 4) Повесть об архиепископе Ионе (рассказ о пророчестве Михаила Клопского), 5) Видение пономаря Аарона и 6) Чудо Варлаама Хутынского о двух осужден-

ных. Докладчик предложил отнести к этому комплексу текстов предложенный когда-то Д. С. Лихачевым в устной беседе термин «Новгородский патерик». Он охарактеризовал эти тексты как целостный цикл, созданный в Новгороде в конце 1470-х—начале 1480-х годов, скорее всего, Пахомием Логофетом.

Наиболее спорным, с точки зрения слушателей, был, пожалуй, доклад канд. филол. наук М. А. Салминой (С.-Петербург, ИРЛИ РАН) «К истории летописания XVI века». Она предприняла попытку пересмотра традиционной датировки Новгородско-Софийского свода. Докладчица пыталась доказать датировку свода 1543—1548 годами и объяснить при этом наличие списков на бумаге с филигранями 70-х годов XV века.

Заключал утреннее заседание доклад нашей коллеги из Италии Джованни Броджи-Беркофф (Рим/Милан) «Проблемы русской историографии XVII века в европейском контексте». Говоря об историографии Возрождения, докладчица отметила, что с точки зрения этой эпохи история должна не только накапливать факты, учить, но и развлекать. Россия пользовалась в рамках барочной историографии теми произведениями, которые в Европе возникли в эпоху Ренессанса. Основным материалом для докладчицы был «Летописец» Димитрия Туптало. Броджи-Беркофф показала, что Туптало принимал западные приемы, способы историографии в зеркальном отображении, идеологически наоборот, и продемонстрировала отличия «Летописца» Димитрия от Барония, стилистические и содержательные. Доминирующей для Димитрия была дидактическая функция, что является типической чертой русского барокко.

В перерыве между заседаниями для участников конференции состоялась экскурсия в Древлехрамление им. В. И. Малышева.

Последнее заседание Первых Лихачевских чтений вели Джованна Броджи-Беркофф и А. Г. Бобров (секретарь — канд. филол. наук М. А. Федотова).

Доклад заболевшего члена-корр. РАН К. В. Чистова (С.-Петербург, Институт этнографии) «Заметки об эскапизме и эсхатологических воззрениях старообрядчества XVII—XIX вв.» был прочитан его аспирантом. Понимая под эскапизмом стремление отдельных людей, социальных, сословных, конфессиональных или иных групп к изоляции, к фанатическому ограничению или полному разрыву контактов с лицами, группами и т. д., принадлежащими к более широкому обществу, разрыв с ними (в том числе и с государством), стремление уйти из-под их власти и влияния, ученый рассмотрел отдельные его формы, такие как правило не соприкасаться с мирскими, неприязненное отношение к браку и рождению детей, принцип «немоления за царя и царскую фамилию», скитничество, прямое вооруженное сопротивление, побег целыми группами в соседние страны, неприятие священников, рукопашные схватки после Никона господствующей цер-

ковью, самосожжения («гари»). Особое место в докладе занимал анализ народных социально-утопических легенд, возникновение и распространение которых докладчик объясняет не столько социально-экономическими причинами, сколько влиянием эсхатологических идей старообрядцев.

Доклад доктора филол. наук Е. М. Юхименко (Москва, Государственный Исторический музей) назывался «Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода». С точки зрения докладчика, достаточно хорошо сохранившийся материал старообрядческого происхождения правомерно использовать для реконструкции древнерусского литературного обихода, а на выговском материале можно достаточно полно охарактеризовать основные направления культурного строительства любого монастырского центра, а именно: собирание библиотеки, организацию церковной жизни, написание истории общины и формирование культа местных святых. В докладе и был представлен образец ретроспективного изучения проблем древнерусской литературы.

Совместный доклад канд. филол. наук В. Н. Алексеева (Государственная научно-техническая библиотека, Новосибирск) и канд. филол. наук Е. И. Дергачевой-Скоп (Новосибирский государственный университет) «К проблеме типологии чтения радикальных беспоповских старообрядческих согласий Сибири (XVIII—начало XX в.)» прочитала Е. И. Дергачева-Скоп. Она отметила поддержку Д. С. Лихачевым археографической работы в Сибири, одним из результатов такой работы и были наблюдения, предложенные в докладе. В нем шла речь о круге и репертуаре чтения старообрядцев, при этом под «репертуаром» подразумевались возможности чтения, а под «кругом чтения» — реализация возможностей человеком или коллективом. Для староверов свойствен особый тип чтения — чтение как духовное насыщение. Докладчики показали, каковы особенности чтения и каково отношение к книге в разных районах Сибири, у разных старообрядческих согласий.

Оживление в зале вызвал доклад Д. Н. Брещинского (США, Вест-Лафайет) «Об одной попытке популяризации старообрядческой лите-

ратуры в зарубежной печати: Житие инок Корнилия Выговского на страницах журнала „Континент“». Докладчик рассказал о почти детективной истории расшифровки одной анонимной публикации популярной обработки Жития Корнилия Выговского.

Материалом для доклада доцента Псковского педагогического института канд. филол. наук В. И. Охотниковой «К истории сложения цикла чудес Никандра Псковского» послужило одно из наиболее ярких и колоритных чудес — чудо о коте, которое к тому же оказалось и одним из наиболее вариативных эпизодов жития. На примере истории редактирования этого эпизода в XVII—XVIII веках (а первоначальная редакция Жития Никандра возникла в конце XVI века) докладчица показала те изменения, которые произошли в христианском и художественном сознании и быте русского человека, в его представлении о том, что приличествует святому и житию.

Последним докладом конференции был доклад ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН доктора филол. наук Н. В. Поньрко «Творец стихов покаянных и роспевщик юродивый Стефан», в центре которого был феномен — юродивый писатель. Материалом для доклада послужил автограф Стефана Трофимовича Нечаева (60-е годы XVII века), который писал покаянные стихи, переписывал церковные песнопения и к тому же был опытным роспевщиком. Он творил, осознавая в единстве литературную и музыкальную составляющие.

По окончании доклада выступил с заключительным словом председатель оргкомитета конференции А. Г. Бобров, еще раз напомним о том, что идея конференции «Христианство и древнерусская литература» принадлежит Д. С. Лихачеву, подведший итоги Первых Лихачевских чтений и поставивший вопрос об их периодичности. Выступившие вслед за ним О. В. Творогов, А. А. Алексеев и С. О. Шмидт поблагодарили организаторов конференции, отметили ее высокий научный уровень и хорошую организацию. Завершились Первые Лихачевские чтения Песнопениями знаменного роспева в исполнении старообрядческих певцов под руководством о. Леонтия Пименова.

© С. А. Семячко

XXIV МАЛЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

3 мая 2000 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Отдел древнерусской литературы и Дрвлекранилище им. В. И. Малышева провели традиционные Малышевские чтения. В этом году они состоялись уже в двадцать четвертый раз.

Работу XXIV Малышевских чтений открыл В. П. Бударегин. Обращаясь к собрав-

шимся, он напомнил, что впервые Малышевские чтения проходят без академика Д. С. Лихачева — их вдохновителя и бессменного участника с 1977 года, — и попросил почтить память Дмитрия Сергеевича минутой молчания.

Утреннее заседание началось докладом академика А. М. Панченко (ИРЛИ, Петербург) «Ульяновы и Пилсудские». В нем была пред-